

Лотман Ю.М.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

<...>

В работе над стихотворением следует обратить внимание учеников на его простоту. Стихотворение невелико по объему, написано простым языком, не содержит ни необычных сравнений, ни красочных метафор и, кажется, непосредственно и просто вылилось из-под пера автора. Такое ощущение должно некоторое время оставаться у учеников. До того, как они начнут анализировать текст, они должны его очень внимательно прочесть и проникнуться его настроением.

Приступая к анализу, следует обратить внимание учеников на фотографию рукописи Пушкина <...>, черновик стихотворения «На холмах Грузии...». Мы видим следы напряженной работы поэта: обилие зачеркнутых, исправленных и переделанных строк. Из этого следует сделать вывод, что простота и легкость стихотворения явились результатом упорного труда автора и что, следовательно, в тексте нет ни одного случайного слова: каждое из них имеет глубокий смысл и именно потому такое короткое стихотворение может производить столь глубокое впечатление. Попробуем определить эти смыслы. Два первых стиха дают пейзажную картину:

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.

Пейзаж содержит скрытое противопоставление двух начал. Первый стих рисует холмы — возвышенности, поднятые к небу. Второй — лежащую у ног поэта глубокую реку. Чувство глубины подчеркивается глубоким звуком «у»: «Шумит Арагва предо мною». Таким образом, первые строки вводят в сознание читателя образы высоты и глубины. Но еще более важна упомянутая в первом стихе «ночная мгла». Мы уже много говорили о значении света и темноты в поэзии Пушкина. Ночь, которая обычно встречалась нам в негативном контексте, здесь впервые связана с лирическими, задушевыми переживаниями автора. Подумаем над этим. Прежде всего задумаемся над словом «мгла». Мгла у Пушкина никогда не означает просто темноту, а всегда ночную тьму, перемешанную с чем-либо. Изучая стихотворение «Зимний вечер», мы столкнемся с выражением «Буря мглою небо кроет...». Там слово «мгла» будет означать ночную темноту, пронизанную вихрями белого снега — смесь черного и белого. В стихотворении «На холмах Грузии...» ночная мгла создает сразу два образа — ночи и лунного света. Ночь, о которой говорит Пушкин, — светлая ночь, пронизанная успокаивающим и примиряющим светом луны.

Таким образом, пейзаж первых строк содержит и образы горных вершин, и глубокую реку, текущую в темноте, и ночную тьму, и лунный свет. Это противоречие имеет, однако, не трагический, а примиренный характер, что подчеркивается спокойной музыкальной организацией стиха. Попросите учеников выписать гласные и согласные фонемы. Произведя эту работу, они убедятся в обилии и разнообразии согласных звуков: их почти столько же, сколько гласных. Кроме того, обильно представлены плавные: *м, н, л*. Все это вместе создает картину контрастную и примиренную одновременно, широкую и спокойно-печальную.

Третий и четвертый стихи характеризуют внутреннее состояние лирического героя. Оно находится в согласии с окружающим пейзажем. Чувства, испытываемые героем-автором, противоречивы: «грустно и легко» — это не только разные, но и трудно-совместимые чувства. Объяснение их соединению дает выражение «печаль моя светла»: подобно тому как ночная темнота, пронизанная лунным светом, делается не страшной,

не враждебной, а грустной и поэтичной, печаль пронизана светом. Каким светом (светом чего), в стихе пока не говорится. Этому посвящен следующий стих:

Печаль моя полна тобою.

Введенное в стихотворение поэтическое «ты» — образ неназванной возлюбленной (о том, кому Пушкин адресовал это стихотворение, мы точно не знаем, вопрос этот до сих пор составляет предмет споров комментаторов) — становится источником света. Именно ею полна печаль, и это делает печаль светлой. Параллелизм пейзажа и душевного мира подчеркивается системой звуковых повторов: слова третьего стиха повторяют звуки первого, являясь как бы их эхом. Ср.:

*Грузии — грустно
Лежит мгла — легко
Ночная — печаль
Мгла — моя светла*

Следующие четыре стиха меняют интонацию. Спокойно-печальная повествовательная интонация первого четверостишия делается более напряженной. Одновременно увеличивается число слов, несущих семантику победы любви над грустью и света над темнотой, — «горит», «любит». Следует обратить внимание на еще одну важную особенность: стихотворение посвящено любви и представляет собой авторский монолог. И по жанру, и по типу речи в центре должен быть субъект. Между тем в стихотворении не встречается местоимение «я» в форме подлежащего. Одновременно бросается в глаза наличие безличных конструкций: «мне грустно», «мне легко». Носитель речи появляется лишь в косвенных падежах, что не создает эгоцентрической структуры. Место поэтического «я» и, одновременно, место подлежащего в предложении занимают слова «печаль», «сердце» — свободные от эгоцентрической окраски. Тем более сильно звучит выделенность поэтического «ты». Это придает стихотворению особую окраску. Любовь, о которой говорит поэт, — любовь не эгоистическая, а самопожертвенная. Это особенно ясно в ранней, черновой редакции стихотворения:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Мерцают звезды предо мною
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою
Я твой по-прежнему — тебя люблю я вновь
И без надежд, и без желаний
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

После того как проделана работа по комментированному чтению текста, учащиеся подготовлены для выполнения самостоятельных заданий.

Как читать стихотворение «На холмах Грузии...». Сообщаемые в этом разделе сведения даются для учителя: они должны помочь ему найти правильные интонации при чтении текста. Целесообразность же доведения их до сведения учеников должна определяться в конкретных обстоятельствах. Изучаемое стихотворение отличается необычайной музыкальностью. Оно удобно для того, чтобы дать ученикам *почувствовать* красоту звучания пушкинских стихов. Но чтобы правильно прочесть стихотворение, учитель должен *понимать* тайны построения текста.

1. Мы уже убедились в том, что фонологическая партитура стихотворения построена с большой тонкостью. Так, слово «Грузия» почти полностью повторено в звуковом отношении словом «грустно» (переход «з» в «с» накладывает легкое оглушение <...>). Совпадение звуков для Пушкина, видимо, поддерживалось смысловой ассоциацией. Известно, что в другом стихотворении он сказал:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

Ассоциация эта имела для Пушкина музыкальный характер. В примечаниях к «Кавказскому пленнику» он писал: «Песни грузинские приятны и по большей части заунывны». *Печальный — грустный — заунывный* образуют смысловой ряд, подкрепляющий звуковое совпадение *Груз — грус*.

В «На холмах Грузии...» семантика эта получает распространение: *Грузии–грусти–унынья–мучит* придают фонеме «у» значение грусти. Ей противостоит группа слов с йотированным «у» (ю): *тобою, любит, любить*. Антитеза «у» — «ју» (ю) получает значение антитезы грусти и любви. Между *грустью* и *любовью* особое место занимает *печаль*. «Мне грустно и легко»: «грусть» и «легкость» сосуществуют как два совмещенных, но несовместимых понятия. «Печаль моя светла»: свет не сосуществует с печалью, а пронизывает ее, становится ее качеством. Печаль — это соединение света и грусти, как мгла — слияние ночи и лунного сияния. Отсюда значимость звуковых совпадений:

ночная — печаль
ночная мгла — печаль полна

Но звуковой образ слова «печаль» распространяется на все слова с ударным «а»: *мгла, Арагва, светла, полна*.

Наконец, вторая половина стихотворения выделяется частой повторяемостью и высокой значимостью ударного «о». В первой половине оно встречается только в паре «мною-тобою». Во второй оно наполняется светом, идущим от образа возлюбленной, и торжественно звучит в сочетании: «Тобой, одной тобой». Это придает (наряду с синтаксической выделенностью, о чем речь пойдет дальше) особую многозначительность намеку, содержащемуся в слове «оттого», связывая также сердце поэта («оно») с «тобою». Замена «у» на «о» в сочетаниях грустно — горит преобразует значение звуков из печальных в торжественные и почти ликующие.

Сложность и тонкость звуковой организации стихотворения требует внимательного и прочувствованного произношения текста. Звуки не следует аффектировать, но каждый должен прозвучать как нота в концерте: четко и без фальши. Это делает работу над чтением стихотворения прекрасным фонетическим упражнением <...>.

2. При чтении следует иметь в виду и тонко организованную поэтом грамматическую структуру текста. В стихотворении варьируются глагольные формы: объективность активных личных форм первых двух стихов сменяется конструкциями, создающими образ субъективного состояния носителя речи. В последних стихах повествование возвращается к личным глагольным формам. Но субъектом — носителем действия здесь выступает не «я», а «сердце», а сам автор-повествователь как бы со стороны, в некотором раздумье наблюдает за своим сердцем. Таким образом, хотя напряжение в интонации к концу стихотворения нарастает, господствует все же задумчивое выражение речи наблюдателя.

Внимательный анализ грамматических элементов стиха должен подсказать и другие интонационные решения. Так, например, второй и четвертый стихи связаны банальной рифмой «мною — тобою». Однако банальность ее мнимая, так как грамматически они весьма отличны по функции: «предо мною» — местоимение «мною» почти низведено до роли части сложного предлога, указывающего на место, в котором шумит Арагва. «Печаль... полна тобою»: «тобой» — определяющий элемент группы сказуемого. Разница грамматических функций непосредственно отражается в разнице интонаций. В стихе:

Шумит Арагва предо мною —

ни в коем случае не следует интонационно выделять «мною». Между тем в «Печаль моя полна тобою» заключительное слово четверостишия следует произнести как самое важное, выделив его интонацией и замедленностью чтения.

3. Соотношение ритмики и синтаксиса — один из определяющих моментов интонационного рисунка текста. Стихотворение написано относительно редким у Пушкина

и всегда почти связанным с медитативной элегией размером: чередованием шести- и четырехстопного ямба. Такое построение задает определенную интонацию: длинные нечетные строки дают как бы экспозицию мысли, а краткие четные — развивают или поясняют ее. Такое разделение функций поддерживается в первом четверостишии четкостью синтаксической границы между стихами: каждый стих — законченная синтагма, и границы ритмических и синтаксических интонаций совпадают. Это обуславливает четкое чередование голоса при чтении четных и нечетных стихов.

Во втором четверостишии, на фоне уже заданной интонационной инерции, картина меняется: первая синтагма — неполная и как бы взволнованно оборванная — кончается в середине стиха, а вторая — мучительно протяженная — занимает полторы строки. В последних двух стихах граница между синтагмами также падает не на конец предпоследнего стиха, а на вторую его половину. Союзное слово «оттого» попадает в несвойственное ему по смысловому весу место — в рифму. Это требует подчеркнутой выделенности голосом, заставляющей ждать особо важного сообщения. Однако в последнем стихе объяснение причины любви — а именно этого мы ждем после такого выделения «оттого» — фактически отсутствует: в нем говорится: «любит оттого, что любит». Этот тавтологический конец стихотворения создает исключительно значимое противоречие между интонацией и содержанием. Интонация, которая в ходе второго четверостишия все время повышалась и на «оттого» достигла высшего напряжения, вдруг как-то беспомощно и растерянно падает: поэт сам не может объяснить, отчего он любит, и просто смиряется с неизбежностью этого безнадежного и бескорыстного чувства. Но именно наивность мотивировки делает ее полной глубокого значения: любовь не нуждается в причинах и хитроумных объяснениях.

Стихотворение заканчивается задумчивой, грустной и даже несколько удивленной интонацией.

Как мы видим, смысловая и интонационная партитура стихотворения очень сложна. Но читать стихотворение надо предельно просто, «убирая интонации внутрь».